

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.366.09,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 05.10.2026 № 27

О присуждении Костенко Наталье Юрьевне, гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата культурологии.

Диссертация «Архив О. М. Фрейденберг как социокультурный феномен» по специальности 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства (культурология) принята к защите 26.06.2026 (протокол заседания № 24) диссертационным советом 24.2.366.09, созданным на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (далее — РГГУ) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) по адресу: 125047, Миусская пл., д. 6, стр. 6. Диссертационный совет 24.2.366.09 утвержден приказом Минобрнауки России от 27 июня 2023 г. № 1344/нк.

Соискатель – Костенко Наталья Юрьевна, 27 марта 1971 года рождения, в 1994 окончила РГГУ по специальности «Историко-архивоведение». В 2019-2020 гг. была прикреплена к аспирантуре РГГУ для подготовки к сдаче и сдачи кандидатских экзаменов (приказ о прикреплении от 31.10.2019 № 01-108/а, приказ об отчислении от 06.05.2020 № 01-28/а); справка об обучении № 11-34-21 выдана соискателю в 2020 г. В 2020 г. была прикреплена к аспирантуре РГГУ для подготовки диссертации (приказ о прикреплении от 30.10.2020 № 01-102/а, приказ об отчислении от 30.10.2023 № 01-117/а). Работала научным сотрудником Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского РГГУ (с 17.10.2003 по 30.06.2026). В настоящее время работает библиографом-

библиотекарем в Фонде инновационных и научно-образовательных программ «Современное естествознание».

Диссертация выполнена на кафедре истории традиционных религий факультета религиоведения Института истории религий и духовной культуры РГГУ Минобрнауки России.

Научный руководитель:

Шмаина-Великанова Анна Ильинична, доктор культурологии, профессор кафедры истории традиционных религий факультета религиоведения Института истории религий и духовной культуры РГГУ.

Официальные оппоненты:

Емельянов Владимир Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»;

Дружинин Петр Александрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела историко-культурных исследований русского языка федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва, в своем положительном отзыве, подписанном Шумилиным Михаилом Владимировичем, кандидатом филологических наук, доцентом Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ и Волковым Денисом Владимировичем, PhD, профессором и директором Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, указала, что содержание рецензируемого диссертационного исследования соответствует требованиям ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства. В отзыве ведущей

организации отмечены актуальность и научная новизна работы, ее практическая значимость, обширная и репрезентативная источниковая база и разнообразная научная литература, а также междисциплинарный подход, сочетающий в себе методы архивоведения, источниковедения, биографического и сравнительно-исторического анализа, а также современных культурологических теорий памяти, позволившая соискателю подробно исследовать личный архив О. М. Фрейденберг как единую, концептуально целостную систему, реконструировать историю создания, структуру, источники и этапы оформления рукописи автобиографического сочинения Фрейденберг «Пробег жизни» и определить его центральную роль в архиве, а также провести детальное сопоставление стратегии формирования архива Фрейденберг с историей создания и публикации романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», показавшего их глубокое интенциональное единство как способов неподцензурного творческого самовыражения и преодоления забвения. Вместе с тем, отмечены следующие замечания, вопросы и рекомендации:

1. При анализе истории изучения и рецепции Записок автор подробно останавливается на феномене диффамации мемуарного наследия Фрейденберг в отечественной науке. Диссертант отмечает, что «после публикации в 1988 году воспоминаний Фрейденберг о Марре стало формироваться диффамационное отношение ко всему мемуарному наследию Фрейденберг» (с. 14), при этом критики часто игнорируют факт ее собственного аналитического и критического восприятия фигуры создателя «нового учения о языке». В связи с этим в работе разбираются критические и скептические реплики В. М. Алпатова и И. А. Левинской, касающиеся исторической достоверности Записок. Представляется, что автору следовало бы проанализировать социокультурные причины этой многолетней полемики. Нам бы хотелось услышать развернутые пояснения соискателя по этому дискуссионному вопросу.

2. Сопоставление архива Фрейденберг и романа Пастернака «Доктор Живаго» через призму их, по убеждению автора, интенционального единства является одним из самых ярких и сильных тезисов диссертации. Диссертант

аргументированно полемизирует с концепцией И. А. Паперно, которая предлагает рассматривать отдельные части Записок или в антропологической перспективе (блокадные тетради), или как «мифополитическую теорию сталинизма» (части, написанные после войны). Костенко Н. Ю. указывает на узость такой трактовки, не объясняющей Записки как целое. Центром этой главы становится то, как требовательный научный и писательский дар обоих кузенов заставляет их искать формы сопротивления тоталитарному обществу. Это сопротивление выражается в столь странной, на первый взгляд, для прагматической советской системы вещи, как «осуществление человеческого значения» (с. 177). Диссертант глубоко прослеживает, как в условиях, когда «невозможно открытое выражение гражданских взглядов и научных идей» (с. 19), Фрейденберг прорывается к свободе. Сама Ольга Михайловна метафорически определяла эту эсхатологическую надежду на грядущее признание: «наступит время, когда из сундука, где будет храниться архив, как из могилы, «вспомнится слава», то есть возродится и жизнь ее, и идеи» (с. 21—22). Однако, признавая тождество внутренних мотивов кузенов в борьбе за это «человеческое значение», нельзя игнорировать радикальное различие прагматики их текстов. Роман Пастернака изначально создавался как художественное произведение для широкого (в том числе мирового) читателя, тогда как архив Фрейденберг конструировался по архивной матрице и сознательно закладывался «в сундук» на долгое, скрытое от современников хранение. Хотелось бы, чтобы автор подробнее осветил этот онтологический зазор между художественным текстом и личным архивным фондом в контексте преодоления ими травмы культурного забвения.

3. Во введении автор указывает, что теоретически работа опирается на концепции М. Фуко, Ж. Деррида, Я. Ассмана. Следует пояснить, относится ли к теориям этих ученых или является инновацией автора диссертации активно используемый в ней термин «интенция фондообразователя / автора»).

4. Диссертация выиграла бы от экспликации логики некоторых элементов ее структуры, например, почему во введении раздел об истории вопроса фактически заменен перечислением работ, причем одновременно он настолько

развернут и вынесен вперед, что создается впечатление, будто остальная часть введения — приложение к этому списку?

5. Перечисляя важные работы об А. А. Смирнове на с. 11 диссертации, следовало бы также упомянуть проясняющую его переводческую позицию работу Баскина М. Э. *Филологически точный перевод 1920—1930-х годов: люди и институции // Художественно-филологический перевод 1920—1930-х годов / Сост. М. Э. Баскина. СПб., 2021. С. 5—82.*

Соискатель имеет 39 опубликованных работ, в том числе по теме диссертации опубликовано 9 работ, из них в рецензируемых научных изданиях опубликованы 5 работ (3 статьи и два предисловия к публикациям):

1. Braginskaja N. V. Archives et destin d'un chercheur en U.R.S.S. Ol'ga Mixai-ajlovna Frejdenberg (1890—1955) / Nina Braginskaja et Natal'ja Kostenko // *Revue des études slaves*. 2014. Т. 85, 1. Р. 109—129.

2. Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг / Н. Ю. Костенко // *Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 4. С. 117—127.

3. Костенко Н. Ю. [Вступительная статья к публикации четырех писем О. М. Фрейденберг] / Н. Ю. Костенко // *Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 4. С. 141—142.

4. Костенко Н. Ю. [Вступительная статья к публикации трех писем О. М. Фрейденберг] / Н. Ю. Костенко // *Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 3. С. 138—139.

5. Костенко Н. Ю. Архив О. М. Фрейденберг как интенция: мотивы и целеполагание / Н. Ю. Костенко // *Шаги/Steps*. 2021. Т. 7, № 1. С. 168—182.

Научные публикации соискателя содержат выводы и результаты исследований, дающие представление об отдельных аспектах биографии Фрейденберг, связанных с решением о формировании ею архива, истории и особенностях состава его документов, истории создания мемуарно-дневникового комплекса «Пробег жизни», а также показывают эволюцию взглядов Фрейденберг

о сохранении своего творческого наследия при невозможности открытого выражения своих научной и гражданской позиций.

Публикации соискателя отражают содержание основных положений и выводов диссертационного исследования. В диссертации отсутствуют недостоверные сведения об опубликованных соискателем работах.

В поступивших отзывах официальных оппонентов указано, что содержание рецензируемого диссертационного исследования соответствует требованиям ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 5.10.1 — Теория и история культуры, искусства. В отзывах отмечены актуальность и научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, обширная источниковая база и научная литература, а последовательное применение методов других дисциплин (архивоведения, источниковедения, интеллектуальной истории, текстологии и литературоведения) призвано помочь в решении основной задачи исследования — охарактеризовать архив Фрейденберг как социокультурный феномен и особую форму сохранения культурной памяти.

В диссертации содержится целый ряд новых для науки положений и выводов: приведены точные датировки основных этапов создания Записок, детально прослежена эволюция архива, подробно и тщательно рассмотрена символика представлений Фрейденберг о бессмертии и исторической памяти. Последняя позволяет рассматривать личный архив ученого не только с точки зрения архивоведения и источниковедения, но и как социокультурный феномен и особую форму сохранения культурной памяти. Особо отмечен анализ переписки Фрейденберг и Пастернака, где убедительно выявлено «взаимное творческое стимулирование корреспондентов», и сопоставление романа Пастернака и архива Фрейденберг как двух форм существования культурной памяти: традиционную (литературное произведение) и альтернативную — архив.

Вместе с тем обозначены критические замечания и рекомендации. В отзыве В. В. Емельянова:

1. В биографической справке не указана точная дата рождения О. М. Фрейденберг (далее — ОМФ), не приведены данные метрики, дан только год. Это серьезное упущение биографа, поскольку в разных источниках указаны разные дни рождения героини диссертации.

2. В той же справке нет документальных сведений о студенческом матрикule Фрейденберг. Между тем приведение данных о прослушанных ею курсах, сданных экзаменах и преподавателях помогло бы нам точно ответить на вопрос о ее квалификации и о причинах профессионального непризнания ближайшими коллегами.

3. Когда речь идет о событиях, связанных с диффамацией трудов Фрейденберг и ее последующим увольнением, нужно иметь в виду, что на две политические кампании — по развенчанию марризма и по устранению евреев из науки — наложилось неприятие идей и трудов ОМФ, а также ее характера со стороны традиционных филологов-классиков. Поэтому не стоит всецело возлагать вину за ее несчастья на политиков и события истории. Следует иметь в виду и несовпадение исследовательских методологий, породившее внутринаучные конфликты.

4. Тезис о взаимном влиянии записок ОМФ и романа Пастернака обоснован только их перепиской, но не сравнением текстов со стороны стиля и содержания.

5. Автору диссертации не удалось заметить, что манера письма ОМФ и ассоциативность ее работы как ученого-поэта были типическими чертами раннего советского литературоведения. Можно было бы сравнить стиль и построение идей Фрейденберг с текстами 1920-х годов Шкловского, Шилейко, Пумпянского, Струве, Франк-Каменецкого, Богораза. Это люди одного поколения, и во всех этих случаях есть общее. Вероятно, здесь сказалось влияние Ницше, Штайнера, Блаватской, Андрея Белого и панвавилонистов. Это наука-поэзия раннего модернизма. И письмо такого типа закончилось к концу 1930-х годов. Следующие поколения ученых не могли его воспринять, и вместе с ним выкинули множество

идей, которые таким способом были высказаны. Одним словом, в диссертации не хватает сравнительного стилистического анализа Записок.

В отзыве П. А. Дружинина также высказаны замечания и рекомендации:

1. Н. Ю. Костенко доказала, что архив О. М. Фрейденберг является не только историческим источником, но и культурной практикой создания памяти. При этом культурологическое значение ее вывода для более широкого круга личных архивов лишь намечено. То есть неминуемо у читателя диссертации возникает ряд вопросов относительно того, насколько проблематика личного архива как формы культурной самореализации личности в условиях несвободы, так подробно рассмотренная в диссертации, может (и может ли?) экстраполироваться и на другие исторические личности: В какой мере описанная модель применима за пределами архива О. М. Фрейденберг? Насколько универсальна эта культурологическая концепция?

2. Хотя отзыв формально посвящен диссертации, но хотелось коснуться и автореферата, хотя бы в жанре рекомендации. После знакомства с текстом диссертации становится очевидным, что центральная идея Н. Ю. Костенко — рассмотрение личного архива как формы культурного действия и создания исторической памяти — заслуживала бы более ясного отражения в автореферате. Это, вообще говоря, нечастый прецедент, потому что обычно приходится встречать обратное — убедительный автореферат, концептуальные положения которого не укреплены текстом диссертации. В настоящем же случае, повторимся, текст диссертации и более дискуссионный, и более убедительный, и более интересный культурологически. То есть основной текст в большей мере отражает индивидуальность и смелость авторского подхода, нежели автореферат.

3. При чтении диссертации, как мы указали, становится очевидным подчинение многообразного инструментария, которым владеет Н. Ю. Костенко, культурологическому исследованию — то есть и методы архивоведения, и источниковедения, и филологии выполняют вспомогательную функцию, тогда как концептуальное ядро составляет проблематика культурной памяти, формирования личного архива как культурной практики, механизмов самопрезентации личности

в культуре и так далее — собственно проблематика культурологии. Междисциплинарность же обусловлена не только сложностью, многогранностью самого объекта исследования — личного архива, но и необходимостью придать исследованию высокую степень достоверности. Однако по какой-то причине автор заранее не объясняет нам, почему эти вспомогательные методы гуманитарных дисциплин оказываются не просто важными, а даже методологически необходимыми в культурологическом исследовании. Можно конечно допустить, и очевидно так оно и есть, что автор считает некоторые методологические вопросы самоочевидными; но в действительности подобные нетривиальные шаги исследователя требуют аргументации. Если бы необходимые объяснения были даны или во Введении, или хотя бы во вступлениях к главам, у читателей не возникало бы в процессе чтения работы, особенно ее начала, вопроса о соответствии диссертации ее специальности, а у автора — появилась бы возможность затронуть в своей работе дискуссионный вопрос о междисциплинарности исследования, о границах дисциплин в рамках культурологии.

4. В связи с предыдущим обратим внимание на то, что и в работе, и в автореферате раздел «Соответствие паспорту специальности 5.10.1» (с. 23, с. 16) содержит перечисление шести пунктов. Диссертация, на наш взгляд, существенно бы выиграла, если бы автором была прослежена внутренняя логика исследования в связи с этими пунктами; то есть, иными словами, диссертант бы показал в этом разделе Заключения то, каким образом движется культурологическое это исследование; а оно, как мы видим по тексту работы, отталкиваясь от личности идет к культурной памяти, уже от культурной памяти переходит к широкой проблематике культурного наследия ... Так что если бы этому было уделено больше внимания, тогда бы автор и сам лучше увидел то, что можно понять при чтении текста диссертации: прежде всего, что его исследование строится вокруг двух опорных пунктов паспорта специальности — п.18. Культурно-историческая память и культурное наследие. Поскольку фактически вся диссертация этому посвящена, и архив О. М. Фрейденберг рассмотрен как механизм сохранения культурной

памяти, притом индивидуальной, и уже эта индивидуальная память становится частью культурного наследия; п.37. Личность и культура. Именно здесь находится наиболее ценная, теоретически наполненная, новаторская, да и просто увлекательная часть работы: вся четвертая глава диссертации посвящена объяснению того, каким образом личность создает собственное культурное присутствие. Если бы подобные пояснения были сделаны автором во Введении, то напрашивались бы выводы, которые автор мог легко сделать и поместить в Заключение, однако мы вынуждены их вычитывать и формулировать самостоятельно — что культурологическим центром диссертационного исследования в результате оказывается не сам архив, а культурная память личности, способом существования которой становится этот архив.

5. На фоне образцовой проработки источников и литературы отметим редкое упущение автора — документ, введенный в научный обиход историком Н. А. Ломагиным. Речь о заявлении О. М. Фрейденберг в Ленинградский горком ВКП(б) от 17 сентября 1942 года. Причем этот документ одновременно уточняет и положения диссертации, изложенные в п. 3.2.2 о блокадных записях; особенно, думается, важен следующий фрагмент: «Ни на один день, среди лишений и несчастий, я не переставала научно работать для Лен<инградского> Университета. Радио с законной гордостью передавало, что профессор Консерватории Грубер в таких условиях написал историю музыки. Да, это вызывает чувство гордости. Ленинградские ученые продолжают в осажденном городе свою научную работу для советской культуры. Они характеризуются своим умением оставаться на посту в любых условиях. Но и я имею честь быть ленинградским ученым. Я пишу монографию (уже 3 главы написаны) «Проблема античного реализма», стоящую в плане научных работ кафедры, и записываю, подготавливая к печати, «Лекции по теории фольклора» <...> Мне хочется, пока я жива (а это может ежеминутно пресечься), успеть подвести синтетический итог своему научному опыту, и потому я вынуждена быть настойчивой и торопиться. Что же касается до оборонной работы, то я вела ее с первых дней войны». (Ломагин Н. А. В тисках голода: Блокада

Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. М.: Яуза-каталог, 2017. С. 486—488; цитата — с. 487).

На автореферат поступили положительные отзывы:

Зенкина Сергея Николаевича, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Учебно-научного института высших гуманитарных исследований им. Е. И. Мелетинского РГГУ;

Ивановой Юлии Владимировны, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Центра междисциплинарных исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)»;

Карацубы Ирины Владимировны, кандидата исторических наук, доцента кафедры литературной критики факультета журналистики Института журналистики и медиаиндустрий РГГУ;

Лебедева Павла Николаевича, кандидата исторических наук, доцента, заведующего кафедрой всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института РГГУ;

Мильчиной Веры Аркадьевны, кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Учебно-научного института высших гуманитарных исследований им. Е. И. Мелетинского РГГУ;

Пенской Елены Наумовны, доктора филологических наук, профессора, руководителя Центра цифровых архивных исследований НИУ ВШЭ;

Чистякова Петра Георгиевича, кандидата исторических наук, доцента кафедры православной теологии факультета теологии Института истории религий и духовной культуры РГГУ.

В отзывах отмечено, что автореферат отражает основное содержание диссертационного исследования, которое выполнено на актуальную тему, содержит научную новизну, проведено на высоком научном уровне, имеет достоверные и обоснованные выводы, подтвержденные репрезентативными документальными материалами и вытекающие из глав диссертации. Исследование

опирается на разнообразную научную литературу и широкую источниковую базу, логично по структуре и содержанию. Выбранный диссертанткой подход к исследованию такого сложного и многослойного явления как архив Фрейденберг помогает понять и убедительно выявить причины, побудившие его составительницу к формированию собственного архива и созданию мемуарно-дневникового комплекса в контексте не только творческой биографии ученого и советской общественно-политической, научной и культурной жизни середины XX века, но и в связи с историософскими воззрениями ее брата и постоянного собеседника, Б. Л. Пастернака. При этом за такой важной для отечественной культуры, но тем не менее частной темой стоит масштабная проблематика: механизмы сохранения и трансляции культурной памяти, природа личного архива как намеренного социокультурного действия, соотношение индивидуального творчества и исторического забвения. В отзывах С. Н. Зенкина, Ю. В. Ивановой, П. Н. Лебедева и А. А. Мильчиной критических замечаний не содержится. В отзыве И. В. Карацубы указаны следующие рекомендации: «В автореферате архив представлен как воплощение определенного замысла Фрейденберг; вместе с тем отмечается, что работа над ним не была завершена. Было бы полезно подробнее разграничить особенности состава собрания, которые можно уверенно объяснить сознательным выбором автора, и особенности, возникшие вследствие обстоятельств хранения или незавершенности работы». В отзыве Е. Н. Пенской указано следующее замечание: «в автореферате не вполне прояснена методика работы с рукописью Записок: каким образом устанавливалась датировка отдельных тетрадей, как разграничивались «лирические дневники» и собственно мемуарные фрагменты».

Выбор официальных оппонентов обусловлен их компетентностью в вопросах, рассматриваемых в диссертационном исследовании и наличием соответствующих научных публикаций. **Выбор ведущей организации** обосновывается высокими научными достижениями в сфере отечественной гуманитарной науки.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненного соискателем исследования:

- воссоздана биография Фрейденберг в семейном и историческом контексте и выявлены мотивы, ставшие основаниями для формирования архива;
- реконструирована история формирования, состава и содержания архива Фрейденберг и определены его отличия от других подобных собраний;
- изучена история создания «Пробега жизни», проанализирована его структура, этапы оформления, содержание и определена его центральная роль и значение для архива;
- на основании анализа послевоенной переписки Фрейденберг и Пастернака и истории создания и публикации романа «Доктор Живаго» проведено сопоставление архива и романа как различных способов существования культурной памяти объединенных интенциональным тождеством.

Научная новизна:

- впервые архив Фрейденберг рассмотрен не как естественно сложившееся собрание документов, представляющих собой разнообразные исторические источник, но как особая форма культурной памяти, разработанная самим создателем архива для культурной коммуникации с будущим;
- впервые реконструирована история архива Фрейденберг и его состава, позволяющие понять авторский замысел, а также всесторонне изучена центральная часть архива - мемуарно-дневниковый комплекса «Пробег жизни» и определена его центральная роль в архиве.
- впервые введены в научный оборот архивные документы и факты биографии Фрейденберг, а также источники по отечественной истории, литературоведению и истории гуманитарной науки.

Теоретическая значимость исследования заключается в осмыслении личного архива как культурного высказывания в условиях творческой несвободы и его сопоставлении с подобным явлением в литературном творчестве.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики определяется возможностью использования специалистами

в области отечественной культуры, истории, литературы, архивоведения, философии и иным гуманитарным дисциплинам. Работа имеет значение для научной публикаций материалов архива Фрейденберг, в первую очередь мемуарно-дневникового комплекса «Пробег жизни».

Оценка достоверности результатов исследования показала, что работа соискателя выполнена на репрезентативной источниковой базе, включающей в себя массив архивных документов из, прежде всего, самого архива Фрейденберг, находящегося в частном хранении, архивов семьи Пастернаков в Москве и зарубежом и других частных архивов, а также фондов государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга (РГАЛИ, ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб, ОА СПбГУ, СПбФ АРАН). Большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые). Среди опубликованных источников: документы личного происхождения (дневники, мемуары, эпистолярий), сборники документов научных учреждений, государственных и партийных органов, хроники научной жизни ЛГУ в конце 1940-х гг.

Диссертация обсуждалась на кафедре истории традиционных религий факультета религиоведения Института истории религий и духовной культуры федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», апробация промежуточных результатов исследования проводилась в форме докладов на научных конференциях.

Личный вклад соискателя состоит в постановке значимой исследовательской проблемы: представить личный архив не столько в качестве естественно сложившейся совокупности документов, но как специфическую форму культурной памяти, выявлении, введении в научный оборот ранее не публиковавшихся и не известных исторических источников, анализе и обобщении содержащихся в них сведений и фактов, разработке и формулировании вынесенных на защиту положений и выводов, составляющих научную новизну и подтверждающих теоретическую и практическую значимость работы, комплексном характере исследования, апробации результатов исследования в форме научных статей, опубликованных в периодических научных изданиях.

В ходе заседания доктором исторических наук, профессором А. Л. Юргановым были задан вопрос о том, что диссертант вкладывает в понятие «феномен». Соискатель ответила, что рассматривает «феномен» в основном в словарном значении этого слова, то есть как редкое, необычное явление. Фрейденберг составила свой архив сама, определила его цели и задачи, а также те виды документов, которые будут его наполнять. Таким образом, ее архив представляет собой определенное высказывание, чего нельзя сказать о большинстве личных фондов, которые формируются не настолько целенаправленно.

В ходе дискуссии выступила доктор исторических наук Н. В. Брагинская, которая поддержала соискателя в использовании слова «феномен» в указанном значении – «исключительный случай». Слово взял также доктор филологических наук С. Н. Zenкин, определивший архив Фрейденберг как «проект». Он отметил, что рамки, которые ленинградская исследовательница ставила перед собой (по крайней мере, в определенной части своего творчества), представляют собой рамки проекта, реализуемого этим творчеством. По его мнению, это, безусловно, является феноменом, поскольку далеко не каждый архив строится как проект; многие из них формируются не хаотично, но на основе случайных, ситуативных решений, напоминая культурный слой для будущих археологов. Говоря об обсуждаемой диссертации, Zenкин подчеркнул, что она дает научное описание данного проекта и, как он надеется, сделает шаг к тому, чтобы архив Фрейденберг был не просто частично открыт для исследователей, а наконец опубликован, чего он давно ожидает. Завершил дискуссию; доктор филологических наук, профессор М. П. Одесский, сказав в кратком выступлении, что достоинства диссертации очевидны, но, возможно, стоило лучше продумать ее название.

Соискатель Н. Ю. Костенко аргументированно ответила на все вопросы, замечания и рекомендации, содержащиеся в отзывах ведущей организации и официальных оппонентов, а также в отзывах на автореферат.

На заседании 5 октября 2026 г. диссертационный совет постановил:
за решение научных задач, имеющих значение для теории и истории отечественной культуры, присудить Н. Ю. Костенко ученую степень кандидата культурологии.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 13 человек, из них 5 докторов наук по специальности рассматриваемой диссертации, участвовавших в заседании, из 19 человек, входящих в состав совета, проголосовали: за — 12, против — 0, недействительных бюллетеней — 1.

Председатель
диссертационного совета

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета

05.10.2026

Зверева Галина Ивановна

Яценко Сергей Александрович